

Красивая партия

Знакомства есть у каждого.

Кто-то имеет связи в прокуратуре, кто-то в суде, у кого-то имеется «крыша» в криминальных структурах. У меня были знакомства в пиццерии «Восемь сыров». Дайте мне угадать. Вы сейчас верно подумали: «Ну вот, нашёл чем хвалиться! Чем, интересно, по его мнению, может быть полезен повар одного из местных фастфудов?» Но не спешите делать сиюминутные выводы. Очень часто жизнь подкидывает сюрпризы, и не всегда те спешат к нам навстречу по торным дорогам. Иногда они тихонько подкрадываются со спины, а иногда падают на нас прямо сверху.

Но довольно метафор. Перейдём сразу к сути. А она, если переводить её на слова, такова: однажды пиццерии «Восемь сыров» исполнилось десять лет. И, естественно, в честь этой даты собственник решил устроить для людей праздник. Но не такой, когда деньги швыряются направо-налево, травятся анекдоты, а предприниматель обнимается с каждым встреченным проходимцем, приглашая его на бесплатный фуршет, и потом целый год жалеет о понесённых убытках. А такой, когда вроде бы делается то же самое, но вместо убытков собственник получает изрядные прибыли, соответственно, ощущая все последующие триста шестьдесят пять дней состояние счастья, довольства и безмятежности. Одним словом, всё то, что ощущает «Сбербанк» после выдачи очередной ипотеки.

Вскрою карты и скажу, что хозяин пиццерии решил устроить розыгрыш. Каждый, кто сподобился отобедать в его замечательном заведении десять раз на сумму в пятьсот рублей, имел право получить номерок с четырьмя цифрами, который, в свою очередь, опускался в назначенный день в прозрачный крутящийся барабан. Думаю, дальше не нужно ничего объяснять. Вы уже обо всём догадались. С каждым из нас проделывали нечто подобное. Я сам участвовал в этих забавах миллион раз. И так же, как вы, ни черта не выигрывал.

В этом месте наш рассказ проясняется.

Вероника, родная сестра моей любимой супруги и по совместительству повар пиццерии «Восемь сыров», была вылитым Остапом Бендером. Отправь её на Луну — она начнёт продавать там

открытки с видами Колизея. Прослышав в чаде скворчащего масла о розыгрыше и его главном призе — путёвке в любую точку планеты стоимостью одна тысяча долларов, она тут же придумала, как его выиграть. Одной ей известным путём она раздобыла призовые купоны и отдала все их нам, с тем чтобы мы обменяли их на номерки. Что мы и незамедлительно сделали. Сначала в пиццерию отправился я, потом сходила жена, через день наступила вновь моя очередь. Мы ходили туда как на работу, ходили до тех пор, пока регистрационной журнал участников розыгрыша не запестрил нашей фамилией. Условия акции явно не подходили для обременённых кризисом и провинциальными предрассудками граждан. Либо никто в нашем городе не мог позволить себе выложить за кусок пиццы единоразово пятьсот рублей, либо, выложив их однажды, так основательно наедался, что потом целый месяц питался только кефиром и булочкой.

Судите сами: первый номерок, который мне выдал администратор «Восьми сыров» был три ноля шесть, четвёртый — два ноля двадцать. По-настоящему, у жены была та же история. Пользуясь карточным сленгом, можно сказать, что у нас на руках был стрит-флэш. Вот только все вокруг знали об этом и уже вот-вот готовы были встать из-за стола, бросив карты.

Тут Вероника внесла в наш план действий корректировку.

— Так, — сказала она, — появляться в пиццерии вам больше нельзя. Это опасно. Вы и так уже примелькались. Обзвоните друзей. Пусть номерки за вас получают они.

— Но придётся с ними делиться, — против воли вырвалось у меня.

— Пообещаем им несколько тысяч. Думаю, этого хватит. В конце концов, всё, что от них требуется, — это расписаться в регистрационном журнале. Мы же получим основную часть приза.

Несколько тысяч? Ха. Как бы не так. Нынче пошли такие друзья, которым проще обобрать до нитки тебя, чем кого-нибудь постороннего. Постороннего ещё нужно найти, как минимум представиться, а ты всегда рядом. Даже не нужно никуда выходить. Вот я и подумал, что для этого дела нужен не просто товарищ, но по совместительству

ещё альтруист. И как только я так подумал, мне сразу припомнился Гена. Гена! Бесхитрый, непрактичный, витающий в облаках мастер спорта по шахматам, единственной целью которого было стать чемпионом планеты, как Ананд. «Уж он-то меня не обманет», — подумал я, набрав его номер. Но телефон Гены был отключён. С утра и до позднего вечера он готовился к очередному турниру. Как боксёр, уезжающий перед боем жить в горы, подальше от родных и репортёров, Гена уходил вне зоны действия сети посредством нажатия красной кнопки. Только так он мог сосредоточиться. Разобрать этюды, поиграть блицы, посмотреть по «Ютубу» игры Каспарова с Фишером.

Лишь поздним вечером он, наконец, объявился. — Гена, — закричал я, — твою душу мать, ты опять отключился?

— Да, сегодня была прямая трансляция с чемпионата Европы.

— Гена, мне срочно нужна твоя помощь!

— А что такое? Что случилось?

— Ничего такого, что выведет тебя из равновесия, — поспешил успокоить я друга. Мне как никому другому было известно, что Гена боялся всего, что было хоть отдалённо похоже на проблемы. — Нужно, чтобы ты получил за меня номерок.

Звучало, будто я звал его в гардероб. Поэтому я подробно обрисовал ситуацию. Поначалу Гена отнекивался. Как истинный шахматист, он просчитал положение на миллион ходов вперёд и пришел к выводу, что больно уж дельце хлопотное. Боже, как я любил этого человека. У него был собственный стиль, это точно. Ему звонят в полдвенадцатого ночи, просят получить номерок, а он говорит, что весь этот год, да и вообще ближайшее тысячелетие у него расписано по секундам. И он не обманывал. Может, самую малость. У него действительно не было времени. Не было времени для всего, что не связано с шахматами. Он попросту не признавал всего остального. Сон давал ему сил для игры, поэтому он иногда спал. Завтрак питал его мозг, и он любил завтракать. Чтобы вытащить его, например, попить пива, ему нужно было звонить за месяц, не раньше. И то минут тридцать читать по телефону лекцию о пользе алкогольных напитков для нервной системы. Когда же он от меня уходил, то обычно прощался такими словами: «Ну, может быть, летом увидимся». Это если дело было зимой. Летом он прощался до Нового года: «Ну, даст Бог, в этом году ещё свидимся». Удивительный человек. Честное слово.

— Прогуляешься, — говорил тем временем я. — Подышишь воздухом. Полезно для мозга.

— Ладно. Но я только получу номер. И всё.

— Разумеется.

— Ни на какие розыгрыши я не пойду.

— Розыгрыш будет транслироваться по телевидению.

— Смотреть его я тоже не буду!

— Не будешь, Гена. Не будешь. Мы его сами посмотрим.

— Хорошо, — сказал он.

— Тогда встретимся завтра в десять у пиццерии.

— Ладно, — произнёс он.

Я приготовился положить трубку.

— Постой, постой, — остановил меня Гена.

— Да? — спросил я.

— Это ведь всё законно?

— О чём ты?

— Мне не нужны неприятности.

— В тюрьму нас точно никто не посадит.

— И всё-таки это афера.

— Господи, Гена, да кому мы нужны со своими купонами? Им главное, чтобы реклама сработала, а кто полетит на Майорку, ты или бомж из подворотни, совершенно без разницы.

Я специально упомянул про Майорку, потому что Гена как-то выиграл там два турнира по блицу и влюбился в молодую испанку, которой потом долгое время писал на «Фейсбуке».

— Ладно. Но если меня спросят, где я взял эти купоны...

— Вали на меня, как на мёртвого, — сказал я. — Кстати, может, выпьем завтра пивка? В честь выигрыша? Должно же нам наконец повезти!

— Не знаю, — произнёс Гена. — Давай через месяц?

А дальше говорить нечего. Мы выменяли через знакомых ещё несколько номерков и на том успокоились. Розыгрыш должен был состояться в субботу. Было даже куплено эфирное время одного из местных телеканалов. Организаторы подошли к делу так же ответственно, как если бы это был прямой телемост с президентом. То есть как к грандиозному шоу. «Наверное, и победители уже были известны», — рассудил я. Конечно, я рассчитывал выиграть, но в глубине души не верил в саму эту возможность. Я был типичным представителем своего времени. Представителем людей, которых много и постоянно обманывали. Обманывали в магазинах, в церквях, во время прогулок по парку и на политических митингах. Нет, я не был циником, если вы сейчас об этом подумали. Я знал лично двух человек, которым в этой жизни привалила большая удача. Один из них получил кофеварку, другой — годовой запас зернового кофе. Жаль, конечно, что они друг друга не знали. Из них могла получиться команда почище Феттеля и Шумахера.

В общем, в субботу мы с женой сели смотреть эфир. Выглядел он ровно так же, как представлялся. Как грандиозное надувательство. Ведущая в короткой, не выше подмышек, юбчонке платонически ворковала с солидным мужчиной в галстук и при часах. Мужчина крутил барабан. Я даже вздохнул от досады и открыл банку пива. Я решил относиться к предстоящему розыгрышу как

к футболу. Выиграют твои или нет, ты всё равно возьмёшь своё счастье парочкой литров светлого. — Итак, Константин, что сейчас мы разыгрываем? — Мы разыгрываем пять завтраков в пиццерии «Восемь сыров» стоимостью одна тысяча рублей. — Это завтрак на одного, или можно прийти всей семьёй?

Тут я, честное слово, расхохотался. «Восемь сыров» относилось к числу заведений, где один стограммовый салатик из помидор и капусты стоил двести тридцать рублей. А жаркое из питательной сои — четыреста. На тысячу рублей там можно было разойтись, только протацив под кофтой несколько собственных блюд и пакет растворимого сахара.

Ведущая тем временем принялась объявлять номерки. Наших, разумеется, она не назвала. Не назвала она их и в следующем туре, когда разыгрывались сертификаты на ланч стоимостью две тысячи рублей. Этот тур я просмотрел, не моргнув глазом. Слишком мелкая рыбка. Ужин в пять тысяч рублей я и вовсе пробыл в толчке. От пива у меня начало давить клапан. Когда я вернулся в зал, объявляли заключительный тур. На руках у нас было девять билетов в рай, ни один из которых ещё не успел выыт из розыгрыша.

— А теперь, — чуть ли не выпрыгивая из своего лифчика, объявила ведущая, — мы подошли к тому, ради чего, я думаю, вы сейчас все и смотрите наш эфир. К розыгрышу путёвки в любую точку планеты стоимостью одна тысяча долларов. Константин, когда победитель сможет воспользоваться своим правом слетать, скажем, на Средиземное море? Сейчас, насколько я знаю, там ещё не сезон. — В любой момент.

— То есть торопить счастливого вы не будете? — Нет, — сказал Константин.

— Отлично. Значит, победитель успеет купить подходящий купальник.

«Заговаривают зубы, — мрачно подумал я, открывая новую банку пива. — Сейчас либо во всей республике погаснет свет, либо начнётся экстренный новостной выпуск о снегоборочной кампании в городе». Однако, против всех ожиданий, ничего такого не произошло. Выговорившись, ведущая взяла паузу и, задорно взглянув на Константина, спросила:

— Ну что, крутим?

— Крутим, — сказал Константин.

И они это сделали. Раскрутили барабан с такой силой, что я успел выдуть половину бутылки Санкт-Петербургского «Хайнекена» прежде, чем ведущая опустила за номерком руку.

— Итак, победителем сегодня становится... Барабанная дробь!

— Надо же, Елена. Заметьте, обладатель какого красивого номера наш везунчик. С таким номером грех было не выиграть.

— Итак, внимание. Номер Один ноль ноль один.

— Поздравляю, — сказал Константин.

Я даже подавился чёртовым пивом. Это был наш номерок. Я хорошо его помнил. Я помнил все номера наизусть. А этот — особенно.

— Мы выиграли! — закричал я.

— Как? — не поверила мне жена.

— Вот он. Вот номерок!

Я отыскал в ворохе разбросанных по дивану бумажек нужную и показал её жене.

— Боже! — закричала она.

— Мы полетим на Майорку.

— Боже! — повторила жена.

Не скажу, что мы начали прыгать на месте или конвульсивно дёргать конечностями, но были весьма близки к этому. Не буду заострять на этом внимание. На мой взгляд, проявления радости так же интимны, как чистка зубов и приём пищи. — Кто же, кто же этот счастливчик? — спросил Константин.

— Геннадий Викторович Левенок.

— Давайте наберём его номер и принесём личные поздравления.

В студии повисла напряжённая тишина. Потом раздался резкий, будь он неладен, зубодробильный звук, которым операторы извещают о том, что абонент недоступен. Что, собственно, тут же проговорил механический голос автоответчика. На лицах ведущих застыла неживая улыбка. Такое явно не входило в их планы.

— Гена, чёрт подери, — прошипел я.

Единственным способом экстренно вытащить Гену из бункера было написать ему в соцсети. Я немедленно это сделал. Боже, я никогда не писал на телефоне так быстро. Наверное, даже Фелпс не проплыл бы за это время пятьдесят метров.

Но Гена был вне сети.

— Ну что ж, — сказал Константин, растерянно посмотрев на Елену. — Без победителя мы не можем закончить эфир. Поэтому мы будем вытягивать номерки до тех пор, пока не дозвонимся до первого счастливого.

И они снова раскрутили свою адскую лотерею. — Эй, это нечестно! — закричал я.

Но разве они меня слышали?!

— Что там Гена? Ответил? — спросила жена.

— Какой там! Да это уже без надобности.

— Почему?

Бедняжка. От пережитого стресса она, похоже, перестала ориентироваться в происходящем.

— Смотри, что они делают. Они вытягивают другой номер.

— Не может быть!

— Может, чёрт их дерит.

Они действительно вытянули другой номер. Я, конечно, надеялся, что этот номер снова окажется нашим, но, видимо, таких везучих людей просто не бывает на свете.

— Мы победители! Мы! — кричал я, пока ведущие поздравляли какую-то старую перечницу с обратительным голосом любительницы кислых щей.

Как она могла сожрать итальянской еды на пять тысяч? Это было явной подставой, причём самого дурного пошиба. Она просто не годилась в подмётки нашему Гену. По голосу он был вылитым ценителем средиземноморской кулинарии. Какой там! Будучи полиглотом, он мог выразить свои чувства на чистом итальянском, а потом добить их французским. Они только что лишились чистокровного Матростяни.

— Нет, — застонала жена.

Я выключил телевизор. Мне не сиделось на месте.

— Отвечаю, пусть он берёт кредит и покупает путёвку.

— Ладно, ничего уже не исправить.

— Не исправить? Да он теперь будет строить нам дом в Зелёном бесплатно.

Мой телефон завибрировал. Гена!

— Да! — сказал я.

— Просил позвонить? — спросил он.

— Разумеется, я просил тебя позвонить, — едко произнёс я. — Ты почему был недоступен?

— Играл блиц с Афанасьевым.

Афанасьев. Афанасьев. Всюду этот гребёный Афанасьев.

— Мы только что упустили из-за тебя штукера баксов.

— Что такое? — встрепенулся Гена.

Я объяснил ему, что такое. Я высказал всё, что о нём думал. Я любил Гену, но сейчас я его ненавижу. Я также не постеснялся и обрисовал во всех красках личность Афанасьева. Мой монолог можно было легко положить в основу сюжета какого-нибудь скандального телешоу. «Афанасьев и его пешки». Или: «Горбатый конь Афанасьева». Или: «Афанасьев, горбатый ты конь!»

— Да ладно тебе, — сказал Гена, когда я выпустил пар.

— С чего это мне должно быть «да ладно»?

— Фигня. Мелочи жизни.

— Фигня? — спросил я.

— Ты бы лучше взглянул, какая у нас получилась красивая партия.

Великое посольство профессора Петрова

Дверь открыла темнокожая девушка.

— А где Катя? — спросил он.

— Она занята, — ответила негритянка, слегка коверкая русскую речь. — Проходите.

— Простите, но мне нужна Катя.

— Проходите, — повторила девушка, скрываясь в недрах квартиры.

«Вот так номер», — подумал Геннадий Алексеевич Петров, закрывая за собой дверь. Человеком

был культурным — двадцать лет преподавал в институте лингвистики, но свои права всегда защищал с педантичной напористостью. Где нужно, мог накричать, а то и обозвать бранным словом. В общем, в обиду себя не давал, особенно тем, кто был ниже его по социальному положению. Подобные люди, считал он, коль скоро они ничего не добились в жизни, требуют к себе наиболее строгого отношения. Большая часть их — невежды и должны знать своё место, иначе образованному человеку будут кругом притеснения.

Однако сейчас, хотя проститутки были в общественной иерархии Геннадия Алексеевича существами самыми низшими и осуждаемыми, а нынешний случай ущемления его прав — вопиющим, он промолчал. Говоря напрямую, профессор крайне стеснялся того, что оказался в борделе. Что может быть нелепее ситуации, когда человек идёт в дом терпимости, понимая, что узнай об этом его коллеги по кафедре или, упаси боже, жена — и он будет признан безнравственным человеком и, как всякий такой человек, больше не сможет войти в приличное общество, — и всё же, преодолевая душевные муки, делает это, платя падшим женщинам деньги за ласку?

Геннадий Алексеевич стыдился своего поведения и потому лишь шамкнул носом, переступая порог борделя. Молча раздевшись, он покорно прошёл в спальную комнату, дверь куда заблаговременно отворила перед ним негритянка.

Спальня была небольшой. Почти всю её площадь занимали кровать — двуспальная, с цветочками на покрывале, — и тумбочка. Здесь было уютно и чисто, но как-то неловко.

Девушки заставляли себя ждать, совещаясь на кухне, и Геннадий Алексеевич не знал, что ему делать. То ли сразу раздеться, то ли пока подождать. Катя, чью анкету он с таким тщанием выбрал в Интернете, переворошив с десятком специализированных сайтов, явно не будет, а он настроился именно на неё. Казалось, у него даже возникла некая духовная связь с этой девушкой, такими добрыми были её глаза на фотографии, так ласково смотрела она на него с экрана компьютера. И вот теперь ему нужно было привыкать к новой, совершенно незнакомой девушке, с неизвестно какими глазами.

Встав у окна с огромным, загораживающим весь вид на улицу фикусом, он решил, что должен уйти, если ему не приведут Катю. Он подумал, что нельзя идти на поводу у проститутки, что раз он платит деньги, то ему обязаны предоставить надлежащий товар — тот, который он предпочёл сам, а не который ему спихивают за ненадобностью. Ничего не поделаешь, в крови Геннадия Алексеевича была изрядная доля еврейской практичности, и сейчас она взяла в руки вожжи, оттеснив на второй план татарина и поляка, также прописанных небрежной рукой Амура в запутанных генах профессора.

Наконец, когда Геннадий Алексеевич уже намеревался откланяться и даже приготовил прощальную речь, в которой собирался высказать всё, что должен был сказать в самом начале, в спальне появились три девушки. Две светленькие, с испытанными лицами, хмурые и некрасивые, и та темнокожая, что открыла дверь.

— А где Катя?— повторил свой вопрос Геннадий Алексеевич.

— Выбирайте любую. Их как раз зовут Катями,— ответила старшая, светленькая.— Тебя как зовут?— спросила она негритянку.

— Катя.

— Вот видите? Всё как хотели.

— Но позвольте, я ехал к другой Кате, русской! А это чёрт знает кто. Вы мошенники.

— Надо же! А вы где-то встречали святых?

— Безобразие. Я напишу администрации сайта, чтобы вас заблокировали.

— Пишите,— пожалала плечами блондинка.

— Мошенники,— повторил в бессильном гневе профессор.

— Послушайте, либо оставайтесь и выбирайте одну из этих двух девушек, либо уходите. Нам некогда выяснять отношения. Неужели вы действительно думали, что за эти копейки получите первоклассную девушку?

Геннадий Алексеевич открыл было рот, чтобы высказаться и по этому поводу, но смолчал. На сей раз причиной была не неловкость. Аргумент денег подействовал на него. И вправду, стоимость Кати была более чем символической для Москвы с её дороговизной. Он решил внимательно осмотреть девушек.

О светленькой, разумеется, не могло быть и речи, уж больно та была непривлекательной, а вот темнокожая... «А она ничего»,— подумал профессор Петров. Невысокая, стройная, в чудовищно пошлом, зато откровенном купальнике— она смогла пробудить в Геннадии Алексеевиче угасший был огонь желанья. «Когда ещё,— продолжал размышлять он,— мне представится шанс побыть наедине с негритянкой?»

Он подумал именно так: «побыть наедине»,— потому что даже в мыслях своих никогда не допускал прямоты в известных вопросах, камуфлируя всё зоологическое в отношениях между мужчиной и женщиной нейтральными фразами. Он ни разу в жизни не «занимался сексом» даже с женой, а по-спартански с ней «ложился спать». В общем, Геннадии Алексеевичу захотелось экзотики. К тому же искать сейчас другой бордель было поздно. Завтра с утра он должен был присутствовать на научной конференции, ради которой и приехал в командировку в Москву из далёкого Екатеринбурга.

Помявшись с секунду, он показал на темнокожую девушку:

— Она.

— Вот и отлично,— ответила старшая.

Все три девушки тут же куда-то исчезли, и Геннадии Алексеевичу снова стало неловко. Он никак не мог решить, раздеваться ему или ещё подождать. К счастью, в одиночестве пребывал он недолго. Вскоре в комнату вошла негритянка. В руках у неё была тряпичная косметичка.

— В душ пойдёте?— произнесла девушка, не поднимая глаз от косметички.

— Пожалуй, нет,— профессор не желал терять время зря.

Через минуту он уже лежал на кровати, а Катя сидела подле, поджав ноги. Её чёрная кожа светилась матовым блеском, отражая тусклый свет окна. Профессор ждал. Его возбуждённая плоть настойчиво просила любви.

И негритянка дала ему эту любовь, приведя Геннадия Алексеевича в блаженный восторг. Боже, как давно у него не было женщины! Разумеется, ночи, когда он «ложился спать» с женой, не считались. Состарившаяся и расплывшаяся, она давно потеряла для него привлекательность; спать с ней было горькой повинностью, которую он отработывал как крепостной— неохотно и спустя рукава.

Сейчас же всё было иначе. С этой молодой и стройной африканской девчонкой профессор Петров почувствовал себя вновь молодым. Распалённый желанием, он представлял всевозможные мерзости. Он воображал себя американским работодателем, который насилует свою самую гордую и неприступную из невольниц. Эти грязные и так не вязавшиеся с его тонким, одухотворённым множеством прочитанных книг внутренним миром фантазии разжигали профессора сильнее умелых ласк проститутки. В конце концов, он осмелел до такой степени, что стал вытворять поистине непристойные вещи. Ни один проктолог в мире не позволил бы себе проделать с пациентом подобные вольности, какие совершал над проституткой профессор. Опьянённый страстью, он не давал отчёта в своих действиях, становившихся всё разнузданней ещё и оттого, что негритянка принимала их с отстранённой покорностью, никак не реагируя и ничему не препятствуя. Только иногда, когда Геннадий Алексеевич делал что-нибудь особенно грубое и неприятное, она легонько брыкалась, давая понять, что он переступил грань дозволенного.

Наконец, хрипло вскрикнув, профессор откинулся в изнеможении на кровати.

— Спасибо,— нежно сказал он девушке, отдышавшись.

— Не за что,— грустно ответила та.

Теперь, когда всё закончилось, Геннадий Алексеевич проникся неподдельным участием к негритянке. Он был благодарен ей за то, что она для него сделала, пусть даже сделала это за деньги.

Он внимательно посмотрел на неё. Девушка сидела, поджав ноги, и покорно гладила его руками по бёдрам. В её глазах стояли слёзы.

— С тобой всё в порядке? — встревожился он.

— Да, — ответила девушка.

— Ты можешь мне всё рассказать. Тебе нечего опасаться!

— Нет, всё в порядке.

— Тебя удерживают здесь против воли?

Негритянка молчала, потупив глаза.

— Скажи! Я позову помощь.

Девушка колебалась. Наконец она тихо сказала: — Да.

«Бедняжка! — подумал профессор. — Всё это время она была со мной против желания. Какой ужас. Это ведь, по сути, изнасилование». Вскочив с постели, Геннадий Алексеевич схватил штаны с тумбочки и принялся спешно их надевать, намереваясь немедленно начать действовать.

— Одевайся. Ты пойдёшь со мной в посольство.

— Тише, прошу, — зашептала Катя, прикрывая ему рот ладонью. — Нас могут услышать. Лучше сначала вам идти в посольство один.

— Один? Чтобы ты продолжала здесь улаживать всякий скот! Нет, об этом не может быть речи. Я выведу тебя отсюда немедленно, и никто мне не помешает.

— Пожалуйста... — негритянка заплакала.

— Одевайся! — чуть ли не кричал Геннадий Алексеевич.

— Идти в посольство один, — настаивала девушка.

Как нарочно, за дверью послышался скрип половиц. Негритянка испуганно обернулась. Геннадий Алексеевич тоже покосился в сторону скрипа. Удивительно, но его решимость тут же остыла, словно устыдившись свидетелей. «Пожалуй, девчонка права, — рассудил он. — Зачем мне лишние неприятности? Скорее всего, они не осмелятся ничего сделать уважаемому человеку, и всё-таки лучше не рисковать. Не хватало ещё влипнуть в историю». — Хорошо, я пойду в посольство один. Из какой ты страны?

— Нигерия.

— Сегодня же я вызволю тебя из этой квартиры.

— Я хочу домой. Пожалуйста, помогите.

Слёзы хлынули из глаз девушки настоящим ручьём, будто до этого их держала плотина. Она не хотела отпускать Геннадия Алексеевича, обхватив его руками за шею.

— Пожалуйста, помогите! Домой, домой.

С трудом успокоив девушку и записав на сигаретной пачке её труднопроизносимую фамилию, профессор вышел из спальни. Он изо всех сил старался делать вид, что ничего не случилось, хотя его сердце щемило от боли и чувства собственной страшной вины. Никогда в жизни он не чувствовал себя настолько мерзко. Подумать только, через что прошла эта бедняжка! Вероятно,

её били, запугивали, прежде чем она согласилась работать на панели. И это в двадцать первом столетии, в самом центре Москвы, недалеко от Белорусского вокзала!

Он улыбался всё время, пока одевался в прихожей. Провожать его вышли все обитатели страшной квартиры: негритянка, две светленькие девушки и незнакомая ему брюнетка. Оказывается, была и брюнетка, которую, видимо, приберегали для более состоятельной клиентуры. Профессор улыбался им всем, клятвенно обещая посетить их в следующий приезд в столицу.

— Что с тобой, девочка? — спросил он Катю, чмокнув её на прощание в щёчку.

Уж больно несчастной та выглядела.

— Не обращайтесь внимания, — ответила старшая. — Скучает по родине. Сами должны понимать. Ну ничего, вот заработает немного денег и поедет к родным.

— Да, понимаю, — кивал профессор, взявшись за ручку двери.

Оказавшись на улице, он, не откладывая, направился в посольство Нигерии. Любое промедление, как ему представлялось, было бы соучастием в этом гнуснейшем из преступлений. Вполне вероятно, лишь за ним захлопнулась дверь злополучной квартиры, как Катю заставили обслуживать нового посетителя. А сколько ещё предстоит ей вытерпеть унижений, прежде чем сдвинется с места громоздкое колесо государственной бюрократии и девушка будет вызволена на свободу! Может быть, пройдёт не один день, может быть, неделя. Нет, он собственноручно приведёт посла по нужному адресу, если тот будет упрямыться.

«Да, я сделаю это, — подбадривал себя профессор Петров, идя скорым шагом по 1-й Тверской-Ямской, — сделаю, если потребуется. А всё-таки — требуется ли?» — вдруг мелькнула у него в голове трусливая мысль. Ведь идти в посольство лично по столь щекотливому делу означало вручить собственную судьбу первому встречному человеку, возможно, не имеющему ни малейшего представления о чести. Это весьма опрометчивый поступок, который при пристальном рассмотрении стал казаться ему ненужным и даже глупым.

Геннадий Алексеевич закурил, перейдя на прогулочный шаг. Москва загоралась вечерней иллюминацией. Был один из тех вечеров, когда особенно хорошо бродить по парку Горького и вДНХ. Тёплый весенний вечер, в который даже запертые в глухих пробках люди кажутся не более чем туристами, мирно любующимися видом центра столицы. Постепенно ход мыслей профессора начал меняться, поддаваясь окружающему настроению.

«Не лучше ли написать анонимку? — размышлял он. — Ведь должно же посольство рассматривать подобные письма, раз речь идёт о спасении человеческой жизни?» Задав себе этот вопрос, он без

колебаний ответил на него положительно. У него созрел новый план.

«В отель! — сказал себе Геннадий Алексеевич. — Написать в посольство я могу и оттуда. Обстоятельное, умное письмо, внушающее доверие стоящей за его строками интеллигентной, образованной личностью, которое мне непременно удастся сочинить в спокойной обстановке гостиничного номера». В голове Геннадия Алексеевича уже начали оформляться некоторые наметки будущего обращения. Он мысленно шлифовал их, предложение за предложением, доводя формулировки до совершенства. У него была прекрасная память, позволявшая сохранить каждый речевой оборот, каждый эпитет, каждую метафору и возникавший в связи с этим тонкий подтекст анонимки, без которого было нельзя обойтись порядочному человеку, описывающему такое мерзостное явление, как проституция.

Но через час, поднявшись в номер, профессор обнаружил, что уже поздно и что он смертельно устал после трудного дня перелёта. Только подумав, как быстро идёт время в Москве! Завтра ему предстоял ответственный день, и нужно было как следует подготовиться: перечитать доклад

к конференции, погладить с дороги костюм и рубашку, выспаться, наконец. Заниматься сейчас анонимкой — значит, жертвовать своей будущностью. Не слишком ли большая плата за доброту?

«И если б вся проблема заключалась только в написании самого текста, — рассуждал Геннадий Алексеевич. — Ведь, чтобы отправить письмо, необходимо создать новый аккаунт под вымышленным именем. А это займёт уйму времени, которого у меня нет». Для профессора, недавно с блеском защитившего докторскую диссертацию, одно название которой для девяноста девяти процентов людей показалось бы древнеегипетской тарабарщиной, регистрация нового ящика электронной почты виделась сейчас практически неразрешимой проблемой, похлеще доказательства теоремы Ферма или, скажем, создания машины времени.

«Завтра, — сказал себе профессор Петров, горько вздыхая. — Завтра я обязательно напишу, но не сегодня. Всё равно час давно поздний и в посольстве никого нет». С этой мыслью Геннадий Алексеевич лёг в постель и почти сразу уснул.

Утром он почувствовал себя выспавшимся и бодрым. Повязывая галстук и надевая любимый пиджак, он насвистывал весёлый мотивчик.